

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ В.В. БОРОВОГО ПРОЦЕССАМ АВТОКЕФАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ МИТРОПОЛИИ В 1941–1944 ГГ.

*Слесарев А. В.
(Минская духовная академия)*

Нынешний год ознаменован празднованием столетия со дня рождения выдающегося православного священнослужителя и богослова протопресвитера Виталия Борового (1916–2008). В этой связи представляется актуальным осветить некоторые аспекты его церковной деятельности в годы немецкой оккупации Беларуси.

Документальным основанием настоящего доклада являются материалы фонда 370 «Переписка с окружными комиссариатами и служителями религиозного культа об идеологическом воспитании местного населения и по церковным вопросам» и фонда 951 «Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР по БССР, с 26.03.1946 – при Совете Министров СССР по БССР, г. Минск», находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Беларусь.

Согласно автобиографии, составленной священником Виталием Боровым в июле 1945 г., ко времени начала Второй мировой войны он завершил образование в Виленской духовной семинарии и окончил 3 курса богословского факультета Варшавского университета. Вынужденно прервав обучение по причине закрытия университета, Виталий Михайлович вернулся в родную деревню Нестеровка, ныне расположенную на территории Докшицкого района Витебской области (Республика Беларусь). Осенью 1939 г. он был принят учителем в нестеровскую неполную среднюю школу, где к июню 1941 г. он уже являлся завучем [5, л. 73–75]. Начало Великой Отечественной войны и немецкой оккупации Беларуси коренным образом изменили жизнь В. М. Борового, ставшего непосредственным участником важнейших событий белорусской церковной жизни.

Установление оккупационного режима на белорусских землях повлекло за собой радикальные изменения в положении Православной Церкви. Поскольку Экзарх Московской Патриархии в западных областях Украины и Белоруссии митрополит Волинский и Луцкий Николай (Ярушевич; 1892–1961) эвакуировался вглубь советского тыла, полномочия Экзарха западных областей Беларуси официально были переданы старейшему иерарху [7,

с. 112–113], каковым являлся известный противник польской церковной автокефалии архиепископ Гродненский и Вилейский Пантелеимон (Рожновский; 1867–1950). Будучи сторонником сохранения единства Русской Православной Церкви, архиепископ Пантелеимон практически сразу встретил противодействие со стороны Предстоятеля Православной Церкви в Польше (Автокефальной Православной Церкви в Генерал-губернаторстве) митрополита Варшавского Дионисия (Валединского), желавшего распространить свое влияние на белорусские территории. В сентябре 1941 г. митрополит Дионисий сформировал «Белорусский церковный совет при Митрополите Святой Автокефальной Православной Церкви в Генерал-губернаторстве», одним из первых деяний которого было избрание кандидатов для епископского служения на белорусских кафедрах. При этом преследовалась цель формирования на белорусских землях церковной организации, независимой от Московской Патриархии и входящей в сферу влияния Варшавского митрополита [2, с. 121]. Однако притязания Предстоятеля Православной Церкви в Польше были отклонены белорусскими оккупационными властями, которые также стремились к выводу белорусских епархий из юрисдикции Русской Православной Церкви, но вместе с этим не желали их подчинения Варшаве.

Взяв курс на провозглашение белорусской церковной автокефалии, представители белорусского национального актива и оккупационной администрации согласились на признание прав архиепископа Пантелеимона (Рожновского), касающихся возглавления им Православной Церкви на белорусских территориях. Условием этого признания они выдвинули обязательное провозглашение автокефалии Белорусской Православной Церкви и белорусизацию церковной жизни [2, с. 108; 4, л. 11–13]. Будучи принципиальным противником отделения от Русской Православной Церкви, архиепископ Пантелеимон из тактических соображений согласился на выдвинутые условия, но не стремился к их практической реализации. Более того, он указывал на каноническую недопустимость самопровозглашения автокефалии и подчеркивал необходимость согласования данного вопроса с Русской Православной Церковью и другими Поместными Церквями [3, с. 84; 4, л. 16].

Решением Собора Епископов Святой Православной Церкви в Белоруссии, проходившего 6 октября 1941 г. в Жировичском монастыре, архиепископ Пантелеимон был наделен титулом «митрополита Минского и всея Беларуси» [2, с. 127; 4, л. 16–17]. Следующим шагом по организации церковной жизни стало формирование 31 ноября 1941 г. в Минске «Митрополитального Управления Святой Православной Церкви в Беларуси», на должность делопроизводителя которого митрополит пригласил Виталия Михайловича Борового [4, л. 16].

На III Соборе Епископов Белорусской Православной Церкви, проходившем 8 марта 1942 г., были приняты решения об учреждении пяти белорусских епархий, избрании кандидатов на архиерейское служение. Сразу после закрытия работы Собора состоялось учреждение Минской духовной консистории, назначение на должность секретаря которой получил В. М. Боровой [4, л. 17; 5, л. 75].

Вполне очевидно, что назначение Виталия Михайловича делопроизводителем Митрополитального Управления, а затем секретарем Минской духовной консистории не являлось случайным. Современник описываемых событий Дмитрий Космович, принимавший активное участие в работе белорусских коллаборационных организаций, впоследствии в своих воспоминаниях подчеркивал крайне негативное отношение митрополита Пантелеимона к идее белорусской автокефалии. При этом указывалось, что в своей деятельности владыка опирался на узкий круг доверенных лиц, в который входил и секретарь консистории Виталий Боровой [2, с. 132].

Блокирование процессов автокефализации Белорусской митрополии со стороны митрополита Пантелеимона (Рожновского) привело к тому, что в июне 1942 г. он был фактически отстранен от церковного управления и сослан в Ляденский Благовещенский монастырь. Фактическое руководство церковной жизнью перешло к архиепископу Могилевскому и Мстиславскому Филофею (Нарко), которому оккупационная администрация поручала практическую реализацию провозглашения белорусской автокефалии [3, с. 93, 96, 98].

Встретив в лице архиепископа Филофея такого же противника автокефалии, каковым являлся и митрополит Пантелеимон, представители белорусского политического актива при поддержке Генерального комиссариата Белоруссии инициировали созыв Всебелорусского Церковного Собора. Наибольшую активность при этом проявил уполномоченный отдела культуры и политики Генерального комиссариата Иван Косяк, который видел основной задачей Собора принятие решения о необходимости наделения Белорусской Православной Церкви автокефальным статусом и направления соответствующих обращений в Константинопольский Патриархат и другие Поместные Церкви. Провозглашение автокефалии предполагалось после достижения всеправославного консенсуса по данному вопросу [3, с. 99–101].

В условиях сильного внешнего давления архиепископ Филофей начал подготовку Всебелорусского Церковного Собора, что неизбежно предполагало проведение ряда согласований с представителями оккупационной власти. Во время встречи иерарха с Генеральным комиссаром Белоруссии В. Кубэ, проходившей 10 июля 1942 г., последний

пожелал ознакомиться с православными каноническими нормами относительно вопроса церковной автокефалии. Уже через пять дней архиепископ Филофей направил В. Кубэ письмо с информационной справкой «Основы автокефалии», подготовленная секретарем Минской духовной консистории В.М. Боровым [4, л. 33–36].

Анализ данного документа позволяет сделать вывод о том, что Виталий Михайлович акцентировал внимание читателя на принципиальной необходимости сохранения канонического статуса Белорусской Православной Церкви. В частности, он указывал на возможность существования автокефальной Церкви только в пределах того государства, которое само обладает полной политической независимостью [4, л. 35], что являлось намеком на преждевременность белорусской автокефалии из-за отсутствия полноценной белорусской государственности.

Затем информационная справка содержала указание на необходимость согласия кириархальной Церкви относительно вопроса предоставления церковной независимости отделяющейся от нее церковной области [4, л. 35]. При этом отсутствовало всякое упоминание о Константинопольском Патриархате, который И. Косяк предлагал рассматривать в качестве Церкви-Матери для православных белорусов. Поскольку митрополит Пантелеимон (Рожновский) никогда не отказывался от полномочий Экзарха Московской Патриархии в западных областях Белоруссии, допущенное его ближайшим помощником В. М. Боровым умолчание предполагало необходимость согласия на белорусскую автокефалию со стороны священноначалия Русской Православной Церкви.

Важнейшим условием каноничного провозглашения церковной автокефалии Виталий Михайлович называл ее признание со стороны всех Поместных Церквей [4, л. 35]. Соблюдение данного принципа позволяло удержать Белорусскую митрополию от возможного самопровозглашения автокефалии, что могло бы произойти в случае игнорирования позиции Московской Патриархии по вопросу белорусской церковной независимости.

В числе принципиальных условий сохранения каноничности Белорусской митрополии В.М. Боровой видел недопустимость провозглашения автокефалии по национальному принципу [4, л. 35]. Данное замечание подчеркивало, в том числе, и каноническую необоснованность усвоения оккупационными властями Белорусской митрополии наименования «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь».

Подготовив информационную справку «Основы автокефалии», В.М. Боровой взял бессрочный отпуск и вернулся в свою родную деревню Нестеровка под предлогом необходимости «устройства семейных дел».

Впоследствии он отмечал, что покинуть работу в Минской духовной консистории его побудило глубокое внутреннее несогласие с отстранением митрополита Пантелеимона [5, л. 75]. Своим отъездом Виталий Михайлович проигнорировал также и работу комиссии по организации Всебелорусского Церковного Собора, в состав которой он был включен [3, с. 104–105].

Одним из важнейших решений Всебелорусского Церковного Собора, проходившего с 30 августа по 2 сентября 1942 г. в г. Минске, стало принятие «Устава Святой Православной Белорусской Автокефальной Церкви», в котором прописывались основные положения канонического и административного устройства Белорусской митрополии. Несмотря на включение слова «автокефальная» в официальное наименование Белорусской Православной Церкви, 113 параграф Устава гласил: «Каноническое провозглашение (объявление) Автокефалии наступит после признания ее всеми Автокефальными Православными Церквями» [3, с. 188]. Данное предписание не только сохраняло прежний канонический статус Белорусской Православной Церкви, но и могло отчасти удовлетворить добивавшихся автокефалии политических деятелей.

Кроме того, Всебелорусской Церковный Собор утвердил текст обращения к Предстоятелям Поместных Православных Церквей о признании белорусской автокефалии и поручил архиереям завершить процесс оформления церковной независимости. Однако иерархи отказались подписать обращения без согласия на то митрополита Предстоятеля Белорусской Православной Церкви. В середине апреля 1943 г. митрополит Пантелеимон (Рожновский) получил разрешение на возвращение к делам церковного управления. Уже на следующий день после прибытия в Минск он созвал заседание Священного Синода, окончательно утвердившего текст обращений к главам автокефальных Церквей относительно признания белорусской церковной независимости [3, с. 114–116, 123–124]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что названные обращения не содержали упоминания о некоем исключительном значении Константинопольского Патриархата для православных белорусов, в чем усматривается уже оговаривавшаяся выше тактика по сохранению единства Белорусской митрополии с Русской Православной Церковью. После утверждения текста посланий белорусские иерархи передали их в Генеральный комиссариат для рассылки дипломатическим путем [3, с. 126]. Однако обстоятельства военного времени письма не позволили направить письма адресатам.

Во время проведения упомянутого синодального заседания В.М. Боровой продолжал оставаться в деревне Нестеровка, хотя вернувшийся из ссылки митрополит Пантелеимон письменно призывал его вернуться к работе в Минской духовной консистории [5, л. 75]. Вполне вероятно, что нежелание Виталия Михайловича возвращаться в столицу было связано с

его стремлением уклониться от участия в работе, связанной с оформлением белорусской церковной автокефалии. Под различными предложениями он отказывался покинуть Нестеровку вплоть до октября 1943 г., когда им был получен официальный вызов из гебитскомиссариата. Оказавшись перед угрозой высылки в Германию по причине отсутствия работы и уклонения от службы, В.С. Боровой вынужденно вернулся в Минск [5, л. 75–76].

Приступив к работе в Минской духовной консистории, Виталий Михайлович параллельно читал курс лекций по церковной истории на богословско-пастырских курсах, организованных в Минске [5, л. 75–76; 6, с. 26–27]. Спустя непродолжительное время он был приглашен на преподавание в Виленскую духовную семинарию, но, как вспоминал впоследствии, «увидев беспорядок, отказался и снова вернулся в Минск» [5, л. 76].

В феврале 1944 г. Виталий Михайлович вступил в брак с Галиной Валентиновной Крускоп [5, л. 76], ставшей его многолетней спутницей и верным другом. В конце июня 1944 г. семья Боровых, вместе с епископатом и частью духовенства Белорусской Православной Церкви были эвакуированы из Минска, что было связано с начавшимся наступлением Красной армии. Во время остановки железнодорожного состава в г. Гродно Виталий Михайлович и Галина Валентиновна покинули вагон и тем самым избежали вывоза в Германию [1, с. 81].

Вскоре после освобождения Беларуси от немецкой оккупации В.М. Боровой встретился с архиепископом Калининским и Смоленским Василием (Ратмировым), управляющим белорусскими церковными приходами. Во время встречи Виталий Михайлович передал архиепископу хранившиеся у него печать и штампы Минской духовной консистории [5, с. 76], тем самым завершив историю вынужденной изоляции Белорусской митрополии от контактов со своей кириархальной Церковью.

Подводя итог настоящему сообщению, можно сделать вывод о том, что материалы Национального архива Республики Беларусь проливают новый свет на обстоятельства церковной деятельности В.М. Борового в годы немецкой оккупации Беларуси. В это непростое время будущий протопресвитер проявил себя последовательным противником идеи белорусской автокефалии и талантливым церковным работником, обращавшим свои силы на противодействие религиозной политике, проводившейся оккупационной администрацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Буевский, А.С. Боровой Виталий Михайлович / А.С. Буевский // Православная энциклопедия. – Москва, 2003. – Т. VI. – С. 81–82.

Касмовіч, Дз. За вольную і сувэрэнную Беларусь / Дзьмітры Касмовіч. – Вільня : Gudas, 2006. – 224 с.

Касяк, І. З гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу / Іван Касяк. – Нью-Йорк, 1956. – 191 с.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 97.

НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 2.

Силова, С.В. Православная Церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / С. В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.

Указ Московской Патриархии Преосвященному Митрополиту Волынскому, Экзарха западных областей Украины и Белоруссии, Николаю // Правда о религии в России. – Московская Патриархия, 1942. – С. 112–113.